

не только специалистам, но и всем, интересующимся политической историей XX в. Вероятно, она оживит интерес к фигуре Л.Б. Красина и стимулирует дальнейшее её изучение.

Примечания

¹ См., в частности: *Могилевский Б.Л.* «Никитич». М., 1963; *Могилевский Б.Л.* Призвание

инженера Красина. М., 1970; *Могилевский Б.Л., Прокофьев В.А.* Три жизни Красина. М., 1968; *Кремнев Б.Г.* Красин. М., 1968; *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Советской страны дипломат. М., 1968.

² *Хромов С.С.* Леонид Красин: Известные страницы биографии, 1920–1926 гг. М., 2001. С. 3.

³ *О'Коннор Т.Э.* Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.

⁴ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 101.

Анатолий Кононенко

Рец. на: А.В. Сушков. Империя товарища Кабакова.

Уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург:

Альфа Принт, 2019. 292 с.

Anatoly Kononenko

(Tyumen State University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Sushkov. Imperiya tovarishcha Kabakova.

Ural'skaya partnomenklatura v 1930-e gody. Yekaterinburg, 2019

DOI: 10.31857/S2949124X23050188, EDN: OKZGVT

Политические репрессии в СССР 1930-х гг. — традиционный объект интереса историков. Тем не менее исследований чисток номенклатурных работников регионального и городского уровня сравнительно немного, а феномен «кадровой революции» 1937–1938 гг. остаётся в тени «Большого террора». Новая книга екатеринбургского историка А.В. Сушкова затрагивает именно эту проблематику. Она посвящена ликвидации всего регионального партийно-государственного аппарата Свердловской обл. в 1937 г. Автор поставил перед собой задачу изучить и отразить повседневную жизнь и управленческие практики структур власти Урала в период, когда их возглавлял И.Д. Кабаков (1929–1937). Источниковой базой исследования стали документы, хранящиеся в фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области, Государственного архива ад-

министративных органов Свердловской области, РГАСПИ, материалы съездов и пленумов ЦК ВКП(б), пленумов и конференций Свердловской партийной организации, контрольной комиссии ЦК ВКП(б) при Свердловском обкоме, периодическая печать. Книга состоит из предисловия, шести глав, заключения и примечаний.

Первая глава повествует о кадровой политике, основу которой составляли назначение и кооптация. С середины 1930-х гг. с высоких трибун звучали призывы покончить с кумовством, сватовством и протекционизмом, ставилась задача пресечь кооптацию городских, районных и областных руководителей. По справедливому замечанию автора, Кабаков на публике поддерживал все инициативы руководителя партии И.В. Сталина, но на деле не стремился преодолеть эти пороки. Он окружил себя представителями «тульского земляче-

ства», расставив их на ключевые посты партийно-советской иерархии. Данная практика, впрочем, была характерна для всех большевистских организаций ещё с конца Гражданской войны.

Второй аспект проблемы заключался в том, что местную партийно-советскую номенклатуру представлял единственный тип партийного работника — агитатор-пропагандист. Изучение их анкет и автобиографий показало, что «большинство партийных руководителей Урала объединяло наличие лишь начального образования, специальное было не у всех и только партийное. На заводах если и работали, то в юные годы и на рабочих местах, к тому же весьма непродолжительное время по сравнению с работой партийной» (с. 22). Призывы Сталина к овладению техническими и научными знаниями они игнорировали.

Вторая глава посвящена биографии Кабакова. Он много ездил по Уралу, произносил пламенные речи, складывалось впечатление, что он не только хорошо знает парторганизации региона, но и прекрасно разбирается в сельском хозяйстве и промышленном производстве. «Однако вникать в детали производственных и строительных технологий самому Кабакову, получившему лишь церковно-приходское образование и имевшему полуторогодичный опыт административно-хозяйственной работы во главе Воронежского горисполкома, даже при всём желании было весьма непросто» (с. 28). За громкими пропагандистскими лозунгами стояли «детские болезни» становления новых заводов, недоработки и огрехи при реконструкции старых производств, недостаток финансирования, узкая сырьевая и строительная база, нехватка комплектующих, низкий уровень квалификации рабочих и инженеров (специалистов), некомпетентность

и коррумпированность партийных и хозяйственных начальников, их увлечённость парадностью и шумихой, высокий процент брака (на Нижнетагильском вагоностроительном заводе во второй половине 1934 г. он составил 99,4% всей продукции!), ужасающие жилищно-бытовые условия рабочих, колоссальные масштабы аварий и пожаров. Не лучшим образом обстояли дела и в сельском хозяйстве области (по совету наркома земледелия Я.А. Яковлева для вспашки и боронования стали использовать коров). Обычной практикой была фальсификация отчётов и докладов в ЦК ВКП(б). Так, вместо обещанного Сталину 1 млн пудов зерна отгрузили лишь 207 тыс. Тем не менее именно за успехи в сельском хозяйстве Кабаков получил в 1935 г. орден Ленина.

В третьей главе рассказывается о формировании регионального культа личности Кабакова. Видя перед собой пример становления культа личности Сталина, уральский «вождь» усиленно насаждал собственный и копировал систему патрон-клиентских отношений. Заметим, что в этих начинаниях он был не одинок — аналогичная ситуация сложилась в Казахской АССР при Л.И. Мирзояне, Омской обл. при Д.А. Булатове, Западной обл. при И.П. Румянцеве. Очевидно, что это общая тенденция партийно-политической жизни 1930-х гг. Автор раскрывает характерные для неё процессы, в частности переименования объектов городской и районной инфраструктуры области (например, присвоения городу Надеждинск имени Кабакова), выясняет, кто инициировал переименования, кто подхватывал инициативу, кто утверждал. По мнению Сушкова, уже в 1935 г. Сталин начал выказывать недовольство формированием культов местных «вождей», тем не менее на сигналы из Кремля они не реагировали (с. 45).

Четвёртая и самая масштабная глава — о привилегированной жизни партийно-хозяйственной номенклатуры. Приведены описания строившихся роскошной загородной дачи Кабакова и фазенд его ближайших соратников, проанализированы системы льгот и привилегий, продовольственного и вещевого обеспечения. Центром распределения благ выступало хозяйственное управление (ХОЗУ) Свердловского облисполкома. Оно обеспечивало руководителей работников обкома и облисполкома бесплатными завтраками, льготными обедами, отоварками, пайками, тканями, обувью, автотранспортом, обслуживало квартиры, дома отдыха и т.д. Значительная часть мебели, часов, патефонов, фотоаппаратов и других предметов роскоши закупалась у частных лиц и в антикварных магазинах Ленинграда, куда направлялись специальные курьеры. Для обслуживания банкетов высших должностных лиц области нанимались метрдотели и официанты из Москвы.

Сверхплановое финансирование управления обеспечивалось постановлениями облисполкома и распоряжениями его председателя В.Ф. Головина, избранного по рекомендации Кабакова. Не менее важным источником поступления средств являлись «многочисленные хозяйственные организации и государственные учреждения, расположенные на территории области» (с. 81). Под предлогом проведения различного рода мероприятий и совещаний ХОЗУ обложило их банальной данью. В обмен на это руководители предприятий (известных всей стране Уралмаша, Уралэнерго, Верх-Исетского завода, Востокостали, Уралцветмета и даже облсобеса и издательства «Уральский рабочий») получали свою долю в виде материальных услуг, путёвок в санатории ЦК ВКП(б), стройматериалов и т.д. Есте-

ственно, процветали грубейшие нарушения финансовой дисциплины — средства «отмывались» при помощи «чёрных касс», подставных контор, счетов, уничтожения документации и др.

Сушков привёл многочисленные примеры «самоснабжения», пьянства, круговой поруки городских и районных работников всех уровней, от низового до высшего, областного. Бесконтрольное расходование бюджетных средств выливалось в массовые пьянки, асоциальное поведение, аморальные поступки, которые покрывались руководством. «Многочисленное партийное, советское и хозяйственное начальство при всём желании не могло скрыть свой достаток и образ жизни. Проживали они в уютных, отремонтированных, обставленных мебелью квартирах. Даже в голодные 1932—1933 гг. их столы не пустовали. Часто устраивали банкеты и вечера, где могли общаться с такими же избранными, как они. Ходили в дорогой, модной одежде и обуви. Пьянствовали, веселились и хулиганили. Их семьи отдыхали на дачах и южных курортах, в средствах не стеснялись» (с. 156).

Наряду с этим автор отметил меры, предпринимавшиеся контрольно-ревизионными органами ВКП(б). Так, по результатам работы областной комиссии партийного контроля, возглавляемой Л.А. Папардэ, ряд руководителей исключили из партии и привлекли к уголовной ответственности. Впрочем, согласно сведениям, собранным Сушковым, большинству фигурантов этих уголовных дел удалось избежать реального наказания: предъявлявшиеся прокуратурой обвинения при непосредственном участии Кабакова переквалифицировались на менее тяжкие.

Можно ли говорить о столь высокой степени коррумпированности

руководства Свердловской обл. как об уральском феномене? Судя по публикациям газеты «Правда», утверждает автор, подобная картина наблюдалась во многих регионах Советского Союза.

В пятой главе рассматривается деятельность Свердловского обкома после февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б). Смысл докладов и выступлений на нём заключался в том, что страна наводнена заговорщиками, шпионами, диверсантами и вредителями, «пролезшими» на самые высокие посты. Говорили и о внутривластной демократии, альтернативных выборах, тайном голосовании, праве отвода любого кандидата, отмене принципа кооптации. Кабаков и его окружение демонстрировали поддержку решений пленума. Однако «патрон-клиентские связи, крепко опутавшие управленческий корпус Свердловской области, являлись основой материального благополучия партноменклатуры, её привилегированного положения в обществе. Отсюда стремление уральского вождя любой ценой... сохранить лично преданных ему людей на ключевых позициях в партийно-государственных структурах» (с. 175).

Как известно, уже в январе 1937 г. наиболее одиозные фигуры, в том числе председатель облисполкома Головин, были арестованы. На состоявшемся вскоре пленуме ЦК Кабакову задали нелюбезные вопросы, на которые он не смог дать вразумительного ответа. Более того, его подвергли персональной критике не только А.А. Жданов, но и сам Сталин. Но какова же реальная причина ареста Кабакова и последовавшей за этим «кадровой революции»? Сушков придерживается концепции, заявленной А. Гетти!: партийные «вельможи» — активные участники революции, легендарные герои Гражданской войны, чьи имена носили города и районы,

заводы и вузы, — были уверены, что «вождь» не посмеет их тронуть. Однако за три года, прошедшие после XVII съезда партии, мнение Сталина об этих кадрах претерпело изменение. Избирательная ротация в результате перевыборов оказалась несостоятельной, и тогда значительную часть управленцев областного, городского и районного уровней обвинили в пособничестве бывшим деятелям оппозиции. Последние давно состояли на оперативном учёте, а в 1936–1937 гг. их арестовали как шпионов иностранных разведок, террористов и убийц. Руководители региональных партийных, советских, экономических структур теперь обвинялись не в привычных хозяйственных преступлениях, а в контрреволюционных: троцкизме и буржуазном перерождении. В подтверждение своей трактовки Сушков ссылается на современника событий, американского инженера Дж. Скотта: «Политические ярлыки на преступления воров, мошенников и бандитов были навешаны только из соображений пропаганды и назидательности» (с. 261). В качестве примера приведено дело бывшего заведующего Свердловским ХОЗУ Л. Капуллера, обвинённого не в растратах и «самоснабжении», а в участии в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Постановлением особого совещания при НКВД СССР его приговорили к пяти годам тюремного заключения.

16 мая 1937 г. Кабакова принял Сталин. На встрече также присутствовали В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Н.И. Ежов. О чём шёл разговор, разумеется, неизвестно, но, полагает автор, «Сталин убедился в невозможности исправления Кабакова и в нецелесообразности использования его на другой, пусть даже низовой работе». 17 мая Политбюро приняло постановление «О Кабакове», обвинив

его в принадлежности к «контрреволюционному центру правых». После голосования (опросом) членов ЦК ВКП(б) его вывели из состава высшего партийного органа, дело передали в НКВД и в 20-х числах мая арестовали. Ему инкриминировали создание и руководство «Уральским повстанческим штабом», и уже 30 октября расстреляли. Такая же участь ожидала его многочисленных выдвиженцев из числа обкомовских, облисполкомовских, городских и районных аппаратчиков.

Автор монографии пришёл к выводу, что коррупция к середине 1930-х гг. приняла масштаб, угрожавший существованию самого государства. Денежные поступления в карман представителей правящего слоя значительно снижали возможности индустриализации. Стиль жизни правящего слоя дискредитировал советскую систему, способствовал распространению двойной морали, поскольку «провозглашаемые ими лозунги о все-

общем равенстве и справедливости, горячее одобрение установок партии и правительства – всё это было не более чем декорацией, лишь неизбежной повинностью советского чиновника» (с. 268). Сталин, в свою очередь, «столкнулся с молчаливым сопротивлением местных вождей, не желавших расставаться со своими куклами, возвращенными в первой половине 1930-х, становиться лишь частью безликой партноменклатуры, подвергаться критике как сверху, так и снизу, наряду с простыми смертными; они не хотели проходить через унижительную процедуру тайного голосования, рискуя быть неизбранными». Чистка элиты закончилась физическим уничтожением значительного количества её представителей.

Примечание

¹ *Гетти А.* Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016.

Владимир Булдаков

Сатира и Сталин*

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Satire and Stalin

DOI: 10.31857/S2949124X2305019X, EDN: OLBBXN

А.Л. Юрганов, известный специалист по русскому Средневековью, предложил весьма необычное исследование, в котором попытался связать сатирические образы советской действительности с процессом становления культа личности И.В. Сталина. Замысел выглядит интригующе. Однако начинает Юрганов вовсе не

с сатиры. В апреле 1926 г. состоялась персональная выставка К. Редько (1897–1956) – художника почти неизвестного и не самого оригинального. Среди 200 его картин нашлось место необычному полотну под названием «Восстание». В центре изображён В.И. Ленин в позе, напоминающей регулировщика дорожного движения

* *Юрганов А.Л.* В кривом зеркале сатиры. Культ вождя партии большевиков и официальная сатира в середине 20-х – начале 30-х годов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 496 с.